

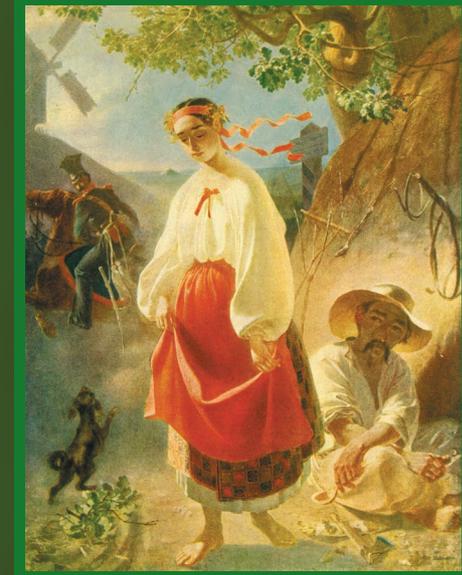
ТАРАС ШЕВЧЕНКО

Пророк
Поєми
Поезії

ТАРАС ШЕВЧЕНКО

Пророк

Поєми

Поезії

www.bookclub.ua

ISBN 978-966-14-0647-5

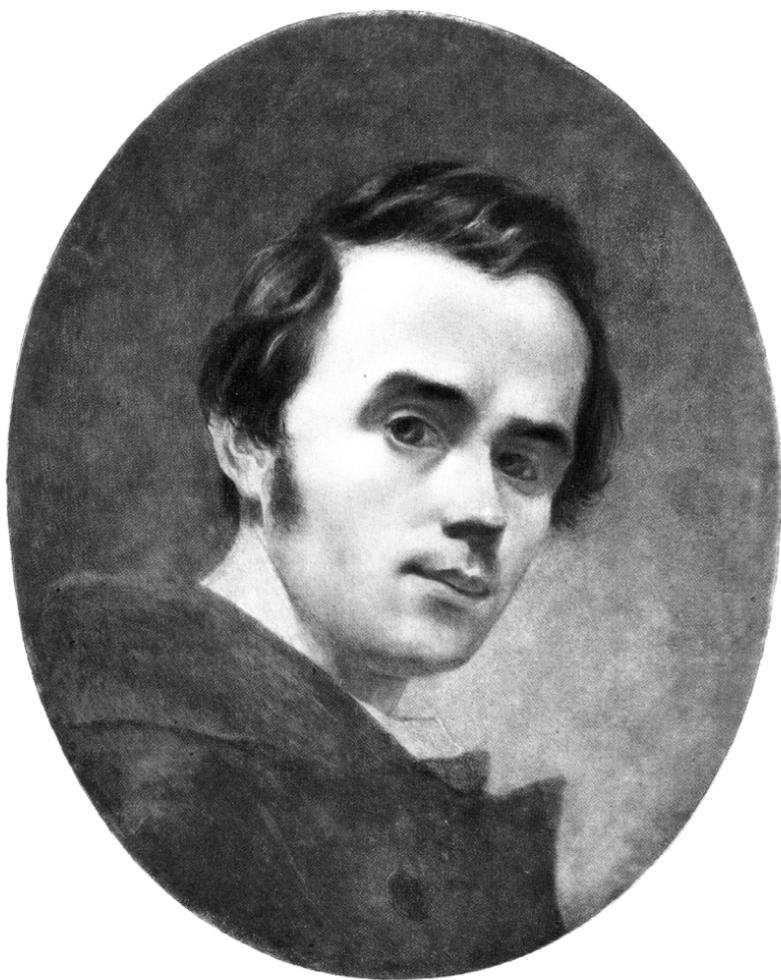
9 789661 406475

 Шедеври на всі часи

КЛУБ
СІМЕЙНОГО
ДОЗВИЛЛЯ

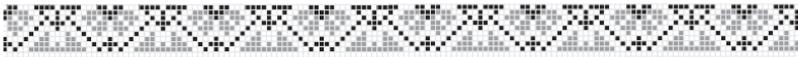
Шедври на всі часи

Інститут літератури ім. Т. Г. Шевченка
Національної академії наук України

ТАРАС ШЕВЧЕНКО

Пророк

Поєми

Поезії

Друге видання, стереотипне

ХАРКІВ **КЛУБ**
2014 **СІМЕЙНОГО**
ДОЗВІЛЛЯ

УДК 821.161.2
ББК 84.4УКР1
Ш37

Жодну з частин цього видання
не можна копіювати або відтворювати в будь-якій формі
без письмового дозволу видавництва

Упорядкування текстів та коментарі *С. А. Гальченка*

Дизайнер обкладинки *Тетяна Коровіна*

В оформленні обкладинки використана картина Т. Г. Шевченка
«Катерина»

ISBN 978-966-14-0428-0 (серія)
ISBN 978-966-14-0647-5 (Україна)

- © Інститут літератури ім. Т. Г. Шевченка НАН України, тексти, 2009
- © С. А. Гальченко, упорядкування текстів та коментарі, 2009
- © Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля», видання українською мовою, 2010, 2014
- © Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля», художнє оформлення, 2010

ПИСЬМО Т. ГР. ШЕВЧЕНКА К РЕДАКТОРУ «НАРОДНОГО ЧТЕНИЯ»

*Милостивый государь
Александр Александрович!*

Я вполне сочувствую вашему желанию познакомить читателей «Народного чтения» с историею жизни людей, выбившихся своими способностями и делами из темной и безгласной толпы простолюдинов. Подобные сведения поведут, мне кажется, многих к сознанию своего человеческого достоинства, без которого невозможны успехи общественного развития в низших слоях населения России. Моя собственная судьба, представленная в истинном свете, могла бы навести не только простолюдина, но и тех, у кого простолюдин находится в полной зависимости, на размышления, глубокие и полезные для обеих сторон. Вот почему я решаюсь обнаружить перед светом несколько печальных фактов моего существования. Я бы желал изложить их в такой полноте, в какой покойный С. Т. Аксаков представил свои детские и юношеские годы, — тем более, что история моей жизни составляет часть истории моей родины. Но я не имею духу входить во все ее подробности. Это мог бы сделать человек, успокоившийся внутренно и успокоенный насчет себе подобных внешними обстоятельствами. Все, что я могу покамест сделать в исполнение вашего желания, это — представить вам в коротких словах фактический ход моей жизни. Когда вы прочтете эти строки, вы, я надеюсь, оправдаете чувство, от которого у меня сжимается сердце и коснеет рука.

Я — сын крепостного крестьянина Григория Шевченка. Родился в 1814 году, февраля 25, в селе Кириловке, Звенигородского уезда, Киевской губернии, в имении одного помещика. Лишившись отца и матери на осьмом году жизни, приютился

я в школе у приходского дьячка в виде школяра-*попыхача*. Эти школяры в отношении к дьячкам то же самое, что мальчишки, отданные родителями или иною властью на выучку к ремесленникам. Права над ними мастера не имеют никаких определенных границ: они — полные рабы его. Все домашние работы и выполнение всевозможных прихотей самого хозяина и его домашних лежат на них безусловно. Предоставляю вашему воображению представить, чего мог требовать от меня дьячок — заметьте, горький пьяница — и что я должен был исполнять с рабской покорностью, не имея ни единого существа в мире, которое заботилось бы или могло заботиться о моем положении. Как бы то ни было, только в течение двухлетней тяжелой жизни в так называемой школе прошел я *Грама́тку*, *Часосло́вец* и наконец Псалтырь. Под конец моего школьного курса дьячок посылал меня читать вместо себя Псалтырь по усопших крепостных душах и благоволил платить мне за то десятую копейку в виде поощрения. Моя помощь доставляла суровому моему учителю возможность предаваться больше прежнего любимому своему занятию, вместе с своим другом Ионою Лымарем, так что, по возвращении от молитвословного подвига, я почти всегда находил их обоих мертвецки пьяными. Дьячок мой обходился жестоко не со мною одним, но и с другими школярами, и мы все глубоко его ненавидели. Бестолковая его придирчивость сделала нас в отношении к нему лукавыми и мстительными. Мы надували его при всяком удобном случае и делали ему всевозможные пакости. Этот первый деспот, на которого я наткнулся в моей жизни, поселил во мне на всю жизнь глубокое отвращение и презрение ко всякому насилию одного человека над другим. Мое детское сердце было оскорблено этим исчадием деспотических семинарий миллион раз, и я кончил с ним так, как вообще оканчивают выведенные из терпения беззащитные люди, — мезтью и бегством. Найдя его однажды бесчувственно пьяным, я употребил против него собственное его оружие — розги и, насколько хватило детских сил, отплатил ему за все его жестокости. Из всех пожитков пьяницы дьячка драгоценнейшею вещью казалась

мне всегда какая-то книжечка с *куншниками*, то есть гравированными картинками, вероятно, самой плохой работы. Я не счел грехом или не устоял против искушения похитить эту драгоценность и ночью бежал в местечко Лысянку. Там я нашел себе нового учителя в особе маляра-диакона, который, как я скоро убедился, очень мало отличался своими правилами и обычаями от моего первого наставника. Три дня я терпеливо таскал на гору ведрами воду из речки Тикича и растирал на железном листе краску медянку. На четвертый день терпенье мне изменило и я бежал в село Тарасовку к дьячку-маляру, славившемуся в околотке изображением великомученика Никиты и Ивана Воина. К сему-то Апеллесу обратился я с твердою решимостью — перенести все испытания, как думал я тогда, неразлучные со всякою наукою. Усвоить себе его великое искусство хоть в самой малой степени желал я страстно. Но увы! Апеллес посмотрел внимательно на мою левую руку и отказал мне наотрез. Он объявил мне, к моему крайнему огорчению, что во мне нет способности ни к чему, ни даже к *ше́вству* или *бóндарству*.

Потеряв всякую надежду сделаться когда-нибудь хоть посредственным маляром, с сокрушенным сердцем возвратился я в родное село. У меня была в виду скромная участь, которой мое воображение придавало, однако ж, какую-то простодушную прелесть: я хотел сделаться, как выражается Гомер, «пастырем стад непорочным», с тем, чтобы, ходя за громадскую *ватагою*, читать свою любезную краденую книжку с куншниками. Но и это не удалось мне. Помещику, только что наследовавшему достояние отца своего, понадобился расторопный мальчик, и оборванный школяр-бродяга попал прямо в тиковую куртку, в такие же шаровары и наконец — в комнатные казачки.

Изобретение комнатных казачков принадлежит цивилизаторам заднепровской Украины, полякам; помещики иных национальностей перенимали и перенимают у них казачков как выдумку, неоспоримо умную. В краю некогда казацком сделать казака ручным с самого детства — это то же самое, что в Лапландии покорить произволу человека быстроногого оленя... Польские помещики былого времени содержали казачков, кроме

лакейства, еще в качестве музыкантов и танцоров. Казачки играли для панской потехи веселые двусмысленные песенки, сочиненные народной музою с горя под пьяную руку, и пускались перед панами, как говорят поляки, *сюды-туды* навприсюды. Новейшие представители вельможной шляхты с чувством просвещенной гордости называют это покровительством украинской народности, которым-де всегда отличались их предки. Мой помещик, в качестве русского немца, смотрел на казачка более практическим взглядом и, покровительствуя моей народности на свой манер, вменил мне в обязанность только молчание и неподвижность в уголку передней, пока не раздастся его голос, повелевающий подать стоящую тут же возле него трубку или налить у него перед носом стакан воды. По врожденной мне продерзости характера, я нарушал барский наказ, напевая чуть слышным голосом гайдамацкие унылые песни и срисовывая украдкою картины суздальской школы, украшавшие панские покои. Рисовал я карандашом, который — признаюсь в этом без всякой совести — украл у конторщика.

Барин мой был человек деятельный: он беспрестанно ездил то в Киев, то в Вильно, то в Петербург и таскал за собой, в обозе, меня для сиденья в передней, подаванья трубки и тому подобных надобностей. Нельзя сказать, чтоб я тяготился своим тогдашним положением: оно только теперь приводит меня в ужас и кажется мне каким-то диким и несвязным сном. Вероятно, многие из русского народа посмотрят когда-то по моему на свое прошедшее. Странствуя с своим барином с одного постоянного двора на другой, я пользовался всяким удобным случаем украсть со стены лубочную картинку и составил себе таким образом драгоценную коллекцию. Особенными моими любимцами были исторические герои, как-то Соловей-разбойник, Кульнев, Кутузов, казак Платов и другие. Впрочем, не жажда стяжания управляла мною, но непреодолимое желание срисовать с них как только возможно верные копии.

Однажды, во время пребывания нашего в Вильно, в 1829 году, декабря 6, пан и пани уехали на бал в так называемые *ресурсы* (дворянское собрание), по случаю тезоименитства в Бозе

почившего императора Николая Павловича. В доме все успокоилось, уснуло. Я зажег свечку в уединенной комнате, развернул свои краденные сокровища и, выбрав из них казака Платова, принялся с благоговением копировать. Время летело для меня незаметно. Уже я добрался до маленьких казачков, гарцующих около дюжих копыт генеральского коня, как позади меня отворилась дверь и вошел мой помещик, возвратившийся с бала. Он с остервенением выдрал меня за уши и надавал пощечин — не за мое искусство, нет! (на искусство он не обратил внимания), а за то, что я мог бы сжечь не только дом, но и город. На другой день он велел кучеру Сидорке выпороть меня хорошенько, что и было исполнено с достоподобным усердием.

В 1832 году мне исполнилось восемнадцать лет, и так как надежды моего помещика на мою лакейскую расторопность не оправдались, то он, вняв неотступной моей просьбе, за-контрактывал меня на четыре года разных живописных дел цеховому мастеру, некоему Ширияеву, в С.-Петербурге. Ширияев соединял в себе все качества дьячка-спартанца, дьякона-маляра и другого дьячка — хиромантика; но несмотря на весь гнет тройственного его гения, я в светлые весенние ночи бегал в Летний сад рисовать со статуй, украшающих сие прямолинейное создание Петра. В один из таких сеансов познакомился я с художником Иваном Максимовичем Сошенком, с которым и до сих пор нахожусь в самых искренних братских отношениях. По совету Сошенка я начал пробовать акварелью портреты с натуры. Для многочисленных, грязных проб терпеливо служил мне моделью другой мой земляк и друг, козак Иван Ничипоренко, дворовый человек нашего помещика. Однажды помещик увидел у Ничипоренка мою работу, и она ему до того понравилась, что он начал употреблять меня для снятия портретов с любимых любовниц, за которые иногда награждал меня целым рублем серебра.

В 1837 году Сошенко представил меня конференц-секретарю Академии художеств В. И. Григоровичу с просьбой — освободить меня от моей жалкой участи. Григорович передал его просьбу В. А. Жуковскому. Тот сторговался предварительно с моим

помещиком и просил К. П. Брюллова написать с него, Жуковского, портрет с целью разыграть его в частной лотерее. Великий Брюллов тотчас согласился, и вскоре портрет Жуковского был у него готов. Жуковский, с помощью графа М. Ю. Вельгорского, устроил лотерею в 2 500 рублей ассигнациями, и эту цену куплена была моя свобода в 1838 году, апреля 22.

С того же дня начал я посещать классы Академии художеств и вскоре сделался одним из любимых учеников-товарищей Брюллова. В 1844 году удостоился я звания свободного художника.

О первых литературных моих опытах скажу только, что они начались в том же Летнем саду, в светлые, безлунные ночи. Украинская строгая муза долго чуждалась моего вкуса, извращенного жизнью в школе, в помещицкой передней, на постоянных дворах и в городских квартирах; но когда дыхание свободы возвратило моим чувствам чистоту первых лет детства, проведенных под убогою батьковскою стрехою, она, спасибо ей, обняла и приласкала меня на чужой стороне. Из первых, слабых моих опытов, написанных в Летнем саду, напечатана только одна баллада «Причинна». Как и когда писались последовавшие за нею стихотворения, об этом теперь я не чувствую охоты распространяться. Краткая история моей жизни, набросанная мною в этом нестройном рассказе в угождение вам, сказать правду, обошлась мне дороже, чем я думал. Сколько лет потерянных! сколько цветов увядших! И что же я купил у судьбы своими усилиями — не погибнуть? Едва ли не одно страшное уразумение своего прошедшего. Оно ужасно, оно тем более для меня ужасно, что мои родные братья и сестра, о которых мне тяжело было вспоминать в своем рассказе, до сих пор — крепостные. Да, милостивый государь, они крепостные до сих пор!

Примите уверение и проч.

Т. Шевченко

1860, февраля 18

ПОЕМИ. ПОЕЗІЇ

1837

ПРИЧИННА

Реве та стогне Дніпр широкий,
Сердитий вітер завива,
Додолу верби гне високі,
Горами хвилю підійма.
І блідий місяць на ту пору
Із хмари де-де виглядав,
Неначе човен в синім морі,
То виринав, то потопав.
Ще треті півні не співали,
Ніхто нігде не гомонів,
Сичі в гаю перекликались,
Та ясен раз у раз скрипів.

В таку добу під горою,
Біля того гаю,
Що чорніє над водою,
Щось біле блукає.
Може, вийшла русалонька
Матері шукати,
А може, жде козаченька,
Щоб залоскотати.
Не русалонька блукає:
То дівчина ходить
Й сама не зна (бо причинна),
Що такеє робить.
Так ворожка поробила,
Щоб менше скучала,
Щоб, бач, ходя опівночі,

Спала й виглядала
Козаченька молодого,
Що торік покинув.
Обіщався вернутися,
Та, мабуть, і згинув!
Не китайкою покрились
Козацькії очі,
Не вимили біле личко
Слізоньки дівочі:
Орел вийняв карі очі
На чужому полі,
Біле тіло вовки з'їли —
Така його доля.
Дарма щоніч дівчинонька
Його виглядає.
Не вернеться чорнобривий
Та й не привітає,
Не розплете довгу косу,
Хустку не зав'яже,
Не на ліжку, в домовину
Сиротою ляже!

Така її доля... О Боже мій милий!
За що ж ти караєш її, молоду?
За те, що так щиро вона полюбила
Козацькії очі?.. Прости сироту!
Кого ж їй любити? Ні батька, ні неньки:
Одна, як та пташка в далекім краю.
Пошли ж ти їй долю, — вона молоденька;
Бо люде чужії її засміють.
Чи винна ж голубка, що голуба любить?
Чи винен той голуб, що сокіл убив?
Сумує, воркує, білим світом нудить,
Літає, шукає, дума — заблуdiv.
Щаслива голубка: високо літає,
Полине до Бога — милого питать.

Кого ж, сиротина, кого запитає,
І хто їй розкаже, і хто теє знає,
Де милий ночує: чи в темному гаю,
Чи в бистрім Дунаю коня напова,
Чи, може, з другою, другу кохає,
Її, чорнобриву, уже забува?
Якби-то далися орлині крила,
За синім би морем милого знайшла;
Живого б любила, другу б задушила,
А до неживого у яму б лягла.
Не так серце любить, щоб з ким поділитися,
Не так воно хоче, як Бог нам дає:
Воно жить не хоче, не хоче журиться.
«Журись», — каже думка, жалю завдає.
О Боже мій милий! така Твоя воля,
Таке її щастя, така її доля!

Вона все ходить, з уст ні пари.
Широкий Дніпр не гомонить:
Розбивши вітер чорні хмари,
Ліг біля моря одпочить.
А з неба місяць так і сяє;
І над водою, і над гаєм,
Кругом, як в усі, все мовчить.
Аж гульк — з Дніпра повиринали
Малії діти, сміючись.
«Ходімо гріться! — закричали. —
Зійшло вже сонце!» (Голі скрізь;
З осоки коси, бо дівчата).

.....

«Чи всі ви тут? — кличе мати. —
Ходім шукати вечерять.
Пограємось, погуляймо
Та пісеньку заспіваймо:
Ух! Ух!
Солом'яний дух, дух!

ЗМІСТ

Письмо Т. Гр. Шевченка к редактору «Народного чтения»	5
Поєми. Поєзії	11
Причинна («Реє та стогне Дніпр широкий...»)	13
Думка («Тече вода в синє море...»)	19
Думка («Тяжко-важко в світі жити...»)	20
Думка («Нащо мені чорні брови...»)	21
Тарасова ніч («На розпутті кобзар сидить...»)	23
На вічну пам'ять Котляревському	28
Катерина	31
Перебендя	54
Тополя	57
До Основ'яненка	64
Іван Підкова	67
«Думи мої, думи мої...»	69
Н. Маркевичу	74
На незабудь Штернбергові	75
«Вітер з гаєм розмовляє...»	75
Гамалія	76
Розрита могила	82
«Чигрине, Чигрине...»	83
Сова	86
Сон	93
«У неділю не гуляла...»	110
«Чого мені тяжко, чого мені нудно...»	113
«Заворожи мені, волхве...»	113
Гоголю	114
«Не завидуй багатому...»	115
«Не женися на багатій...»	115
Єретик	116
Великий льох	128
Наймичка	147
Кавказ	163

І мертвим, і живим, і ненарожденним землякам моїм в Україні і не в Україні моє дружнєє посланіє	169
Холодний Яр	176
Давидові псалми	179
Маленькій Мар'яні	188
«Минають дні, минають ночі...»	188
Три літа	189
Заповіт («Як умру, то поховайте...»)	192
«За що ми любимо Богдана?..»	193
Лілея	193
В казематі	196
«Ой одна я, одна...»	197
«За байраком байрак...»	198
«Мені однаково, чи буду...»	199
«Не кидай матері!» — казали...»	200
«Чого ти ходиш на могилу?...»	201
«Ой три шляхи широкії...»	203
Н. Костомарову («Веселе сонечко ховалось...»)	204
«Садок вишневий коло хати...»	206
«Рано-вранці новобранці...»	206
«В неволі тяжко, хоча й волі...»	207
Косар («Понад полем іде...»)	208
«Чи ми ще зійдемося знову?»	209
Н. Н. («Сонце заходить, гори чорніють...»)	209
Н. Н. («Мені тринадцятий минало...»)	210
«Не гріє сонце на чужині»	212
Сон	212
Іржавець	218
Н. Н. («О думи мої! О славо злая!..»)	221
Полякам	221
«Один у другого питаєм...»	222
«Самому чудно. А де ж дітись?...»	223
А. О. Козачковському	223
«То так і я тепер пишу...»	228
«А нумо знову віршувать...»	229
«У Бога за дверми лежала сокира...»	230
«Ну що б, здавалося, слова...»	232
«Мов за подушне, оступили...»	233
П. С. («Не жаль на злого, коло його...»)	234
Г. З. («Немає гірше, як в неволі...»)	235
«Якби зустрілися ми знову...»	237
«За сонцем хмаронька пливе...»	238
«І небо невмите, і заспані хвилі...»	238

«Думи мої, думи мої...»	239
«І виріс я на чужині...»	239
«Не для людей, тієї слави...»	241
«По улиці вітер віє...»	242
«У тієї Катерини...»	243
«Із-за гаю сонце сходить...»	245
«Не так тії вороги...»	246
«Ой люлі, люлі, моя дитино...»	246
«Не тополю високою...»	248
«І широкою долину...»	248
«Навгороді коло броду...»	249
«І знов мені не привезла...»	250
«В неволі, в самоті немає...»	251
«Заступила чорна хмара...»	251
«Не додому вночі йдучи...»	254
«Неначе степом чумаки...»	255
«Як маю я журитися...»	256
«Нащо мені женитися?...»	256
«Якби тобі довелося...»	258
«Заросли шляхи тернами...»	261
«Зацвіла в долині...»	262
«У нашім раї на землі...»	263
«На Великдень, на соломі...»	266
«Буває, іноді старий...»	267
«Хіба самому написать...»	267
«Дурні та горді ми люди...»	269
«І золотої, й дорогої...»	270
«Ми вкupo[ч]ці колись росли...»	271
«Готово! Парус розпустили...»	273
«Ми в осені таки похожі...»	274
«Лічу в неволі дні і ночі...»	275
«Ми заспівали, розійшлись...»	278
«Не молилася за мене...»	278
«Мені здається, я не знаю...»	280
«Якби ви знали, паничі...»	282
«Огні горять, музика грає...»	284
«Чи то недоля та неволя...»	285
«І досі сниться: під горою...»	286
Неофіти	287
Юродивий	304
Доля	307
Муза	307
Слава	310

«Лічу в неволі дні і ночі...»	311
Сон («На панщині пшеницю жала...»)	312
«Я не нездужаю, нівроку»	313
Подражаніє 11 псалому («Мій Боже милий, як то мало...»)	313
Марку Вовчку	314
Ісаія. Глава 35	315
Невольник	317
Посвященіє	317
Дума («У неділю вранці-рано...»)	331
«Мій Боже милий, знову лихо!...»	337
«Ой по горі роман цвіте...»	337
Сестрі	338
«Якби-то ти, Богдане п'яний...»	339
Марія	339
Подражаніє Едуарду Сові	362
Осія. Глава XIV	363
«Дівча любе, чорнобриве...»	365
«Ой діброво — темний гаю!...»	365
Молитва	366
«Царів, кровавих шинкарів...»	366
«Злоначинающих спини...»	367
«Тим неситим очам...»	367
Переспів зі «Слова о полку Ігоревім»	368
Плач Ярославни	368
«Умре муж велій в власяниці...»	370
«Над Дніпровую сагою...»	370
«Росли укупо[ч]ці, зросли...»	371
«Барвінок цвів і зеленів...»	372
Л. («Поставлю хату і кімнату...»)	372
«Минули літа молодії...»	373
«І тут, і всюди — скрізь погано...»	374
«Якби з ким сісти хліба з'їсти...»	374
«І день іде, і ніч іде...»	375
«Тече вода з-під явора...»	375
«Якось-то йдучи уночі...»	376
«Чи не покинуть нам, небого...»	377
«Зійшлись, побрались, поєднались...»	377
«А по́ки те, та се, та оне...»	378
Примітки	380

Літературно-художнє видання

Серія «Шевври на всі часи»

ШЕВЧЕНКО Тарас Григорович
Пророк. Поєми. Поєзії

Головний редактор *С. С. Скляр*
Відповідальний за випуск *К. В. Шаповалова*
Художній редактор *Т. М. Коровіна*
Технічний редактор *А. Г. Верьовкін*
Коректор *О. А. Альхабаш*

Підписано до друку 09.07.2014.
Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Minion». Ум. друк. арк. 21,84.
Наклад 3000 пр. Зам. № .

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля»
Св. № ДК65 від 26.05.2000
61140, Харків-140, просп. Гагаріна, 20а
E-mail: cop@bookclub.ua

Віддруковано у ВАТ «Харківська книжкова фабрика “Глобус”»
61012, м. Харків, вул. Енгельса, 11.
Свідоцтво ДК № 2891 від 04.07.2007 р.
www.globus-book.com

Видавництво Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля»
www.trade.bookclub.ua

ГУРТОВИЙ ПРОДАЖ КНИГ ВИДАВНИЦТВА

ХАРКІВ

ДП з іноземними інвестиціями
«Книжковий Клуб
“Клуб Сімейного Дозвілля”»

61140, м. Харків-140,
просп. Гагаріна, 20-А
тел/факс +38 (057) 703-44-57
e-mail: trade@bookclub.ua
www.trade.bookclub.ua

Київська філія

04073, м. Київ, просп. Московський, 6, кімн. 35,
тел. +38 (067) 575-27-55
e-mail: kyiv@bookclub.ua

Одеська філія

65017, м. Одеса, вул. Малиновського, 16-А, кімн. 109
тел. +38 (067) 572-44-28
e-mail: odessa@bookclub.ua

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля»

служба роботи з клієнтами:

тел. +38 (057) 783-88-88

e-mail: support@bookclub.ua

Інтернет-магазин: www.bookclub.ua

«Книжковий клуб», а/с 84, Харків, 61001

Шевченко Т. Г.

Ш37 Пророк. Поєми. Поезії [Текст] / упоряд. і комент. С. А. Гальченка — 2-ге вид., стер. — Харків : Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля», 2014. — 416 с. : іл. — (Серія «Шедеври на всі часи», ISBN 978-966-14-0428-0 (Україна)).

ISBN 978-966-14-0428-0 (серія)

ISBN 978-966-14-0647-5 (Україна)

УДК 821.161.2

ББК 84.4УКР1